

11.11.1988

«Безумный, безумный, безумный мир...» назвал себя знаменитый когда-то фильм известного американского режиссера Стенли Крамера. С тех пор мир много лет. Но, увы, ничто не изменилось в той женской сфере, которую с такой жестокостью кризисом и сарказмом показан нам талантливый мастер. Только, пожалуй, еще чаще, чем в те годы, стали раздаваться выстрелы из-за угла, уносящие жизни видных государственных деятелей, руководителей прогрессивных партий и движений в странах Америки, Африки, Азии и Европы, все истеричнее и агрессивнее — призывы к вооружению, звучание из Белого дома, все крикливее и настоятельнее голосами прелестей свободного мира, сдаривающего человека правом всевозможности.

Казалось бы, «безумный мир» сам подсказывал адекватное ощущение темы, так и просиживая на сцене театров, кино и телеэкраны. А между тем, за исключением считанного числа кино- и телефильмов, наше искусство — и театральное в наибольшей степени — оставалось в неоплатном долгу перед зрителями, прощая мимо наиболее острых, животрепещущих проблем международной жизни.

Сходили постепенно со сцены спектакли почти десятилетней давности, как «Несконченный диалог» В. Чичкова в Театре имени Ефг. Вахтангова или «Венсеремос!» Г. Боровика в Театре имени Вл. Маяковского, рожденные трагическими событиями фашистского переворота в Чили, но в смену ни что-то не спешили выходить новые произведения.

И вот, наконец, в нынешнем сезоне на столичной эфисе появилась сразу несколько названий, привлекающих внимание зрителей. Выстраиваясь в довольно пестрый по своим выразительным средствам и жанрам ряд — от психологической драмы до ярко зрелищного «шоу-буфф», — эти спектакли по внутренней мысли, по содержанию дают в достаточной мере широкую картину сегодняшнего «безумного мира». С одной стороны, это злолинейно и прорывающе разгромленное, но пытающееся вновь возродиться фашизма, а с другой — все возрастающий антиимпериалистический потенциал народов мира, рост борьбы за свободу, демократию, прогресс.

...Нет, он не сидел на скамье подсудимых рядом с нацистскими преступниками на Нюрнбергском процессе (о спектакле Театра имени М. Горького «Суд над судьями» см. производное З. Мэнна «Нюрнбергский процесс» «Московская правда» уже писала), это вполне благополучный Бартрам Крамзингел, начальник полиции одного из городов США, герой спектакля Театра сатиры, поставленного режиссером П. Хомским по роману английского писателя П. Уитневса «Крамзингел». Но воспитанный в истинно американских традициях всевозможности, отлично усвоивший внешнюю ему всякой системой американского образа жизни правило: прав тот, кто стреляет первым, — Барт Крамзингел, в сущности, не столь удалек от своих «дружков отцов», многие из которых, как известно, сумев избежать законного возмездия за свои преступления перед человечеством, наши дни в США.

Ни по теме, ни по сюжету, ни по образам «Крамзингел» не перекликается с пьесой Мэнна, и там не менее эти две постановки тесно связаны единой режиссерской мыслью.

В спектакле «Суд над судьями» лишь один Хейгауд из всей американской группы осмелился отступить собственное мнение по части сурового наказания нацистских преступников. Все же остальные — от сенатора до капитана — явили собой покорное, молчаливое большинство, выполняющее чью-то чужую волю, ибо: «любить и выгодно жить, не зная самому».

И разве не на той же почве всеобщего безразличия и нравственной глухоты расцвело во всей своей пышной самозащитности политическое дарование «Крамзингел» Барт С. Кингиди, не устает звероподобным

обликом (горилла — называет его в романе автор), но есть что-то действительно отталкивающее — обаяние в его черных, бесполокно бегающих глазах, в низком лбе, выступающем светлой полоской из-под ажурной начесанной челки, в его манере, быстрых движениях. Но не это страшно. Страшно то, что ни Крамзингел, ни его эфратная, оборзительно женственная супруга Эди (З. Зелинская) не в состоянии понять, за что преступившего по Европе Барта сажают в Англии в тюрьму, Подумавшись, галчун в какого-то старого шотландца и уложив наповал. А зачем тот совел руку в карман при виде Крамзингела, у которого просто-напросто, сразу же при этом жест условный рефлекс? Барт бежит из тюрьмы. Однако и дома, в Штатах, у Крамзингела тоже срывается крекфес, жертвой которого на этот раз становится мэр его собственного родного города. Но коль скоро вся жизнь

бессловесно идет о баснословных прибылях, как в пьесе журналиста — междунциста В. Большакова «Злоключики Генри Марлоу», постановку которой осуществил на сцене Театра имени Н. В. Гоголя В. Ковалев. Надо отдать должное театру, постаравшемуся внести живиную достоверность и психологизм в довольно суховатую, хотя и не лишнюю детективной остроты и сюжетной занимательности хронику политических событий, совершающихся на наших глазах в одной из ближневосточных стран, богатых нефтью. И тем не менее превалирование декламативности и констатации факта над внутренней мотивированностью поступков героев делают спектакль скорее живой иллюстрацией хорошо знакомым нам всем событиям, нежели самостоятельным художественным явлением.

К тому же явно неудачное, лишнее оформление оформления художника А. Лосева из унылых

что, как оказалось, отнюдь не противоречит острому политическому характеру самой пьесы.

На протяжении многих лет нас, зрителей, приучили к тому, что спектакль на международную тему — это всегда открытая публицистика, это диалог актёра с залом, при котором даже не обязательны психологическая глубина и индивидуальность в обрисовке характеров, главное — чтобы точно и четко была донесена авторская мысль, политический смысл содержания.

Спектакль Театра имени М. Н. Ермоловой «Этот странный русский по пьесе В. Чичкова кажется особенно необычным, «тихим» в ряду других постановок на международную тему. И хотя его сюжет не менее драматичен, чем в «Монологах Горького», происходящий как бы только фон, на котором раскрывается внутренний мир героев. Отсюда кажущаяся неспешность в развитии действия, достоверность интонаций в диалогах (постановщик В. Андреев). А проблемным камнем, на котором испытываются на прочность характеры, является понимание героями своего гражданского и профессионального долга, их отношения к совершающимся вокруг событиям. Четыре врача — англичанин, американка, француз и русский, направленные по линии Международного Красного Креста в одну из латиноамериканских стран, становятся свидетелями происшедшего там военного путча. И первой его жертвой, чью жизнь им приходится спасти, оказывается любимый народом певец Висенте. А вслед за ним в госпиталь попадают полковник Матеоса, главарь путчистов, и советский хирург Николай Егоров (В. Андреев), как самый опытный, самый талантливый и самый мужественный из четырех, снова становится к операции одному студ. Нет, вовсе не легко коммунисту Егорову спасти жизнь человека, чья дела и мысли ему глубоко чужды. Но он — врач, а врачам в любой ситуации Матеоса он оплачивает свободу советским специалистам, работающим в стране, а сейчас востановившим хунтой. Егоров В. Андреева — чистый, прямой, открытый человек. И тем омерзительнее, унизительнее для него «торговаться» с самоуверенным, чувствующим себя полноправным хозяином положения капитаном Берлангой (А. Шейнин). Егоров выполняет свой гражданский долг. Но хунта отпеченной американскими долларами, лишние свидетели ни к чему. Вместе с полблизившей ей американкой Джейн (О. Селезнева) Егоров погибает в автомобильной катастрофе, подстроенной одним из подручных Матеоса.

Нет в живых русского доктора, но его слова, мысли, поступки остались в памяти и сердце французского врача и соратника французского врача Джейн (О. Селезнева), юной индийской девушки Аманды (Т. Шумова), стойкого мужественного мальчика — подростка Хосе (А. Яковлев), а может быть, и в опустошенной душе сломленного, трусливого англичанина Бана (Ю. Комаров), если он вспомнит когда-нибудь своего советского коллегу.

...Рук немногого убийцы оборвала много лет назад живую валику индийского старца Махатмы Ганди, выстрелом в упор был убит премьер-министр Цейлона Солонгун Бандарнаиве, индийский осуществитель ряда прогрессивных акций, вместе с женой и дочерью был застрелен известный деятель объединенного профсоюза горняков США Джозеф Яблонски, смело выступивший в разоблачении аляскинских афер и взятничества руководства профсоюза и владельцев шахт, пали жертвами планерного опустоляющего террора братья Кеннеди, Мартин Лютер Кинг, Лэнсдей Морро, Уильямс, террор, насилие. Но сколько бы ни прозвучало выстрелов из засады, им не повернуть вспять истории, в она уже давно внесла свой суровый и справедливый приговор империализму, его идеологии и политике.

Об этом еще и еще раз напоминать нам новые спектакли московских театров на международную тему.

Н. БАЛАНОВА,

Театральное обозрение

В Э Т О М Б Е З У М Н О М, Б Е З У М Н О М М И Р Е...

Америки идет по раз и навсегда установленным стандартам, Барт не очень обеспокоен своим будущим. Скорее наоборот: он уже предвкушает лауры и дивиденды, которые будут ждать его как популярную личность по выходе из тюрьмы. Правда, обидно: красота Эди успевает за это время высочить замуж за его бывшего заместителя. Но ведь и Эди — продукт стандартизации, следовательно — вполне заменимый.

Итак, все возвращается на круги своя. Фашистские военные преступления за массовые уничтожения народов Европы сидели на скамье подсудимых, многие были не слишком сурово наказаны, а по прошествии нескольких лет и вовсе освобождены. Сидел на скамье подсудимых, и даже дважды, Барт Крамзингел, тоже за убийство, хотя и не массовое, и тоже вылетел невредим. Все закономерно. Ибо в этом безумном, безумном, безумном мире преступники стоят у кормила власти, охраняя порядок осуществляют убийства.

Более того: очаровательные, обаятельные, красивые, бы, самой природой созданные и окружающий их мир, представительники когда-то слабого пола ныне цинично и хладнокровно разрабатывают и сами же руководят осуществлением актов произвола и насилия. Агент ОбС Г. Боровика, поставленный А. Гончаровым на сцене Театра имени Вл. Маяковского в жанре «шоу-буфф», — это все тот же удивительно «безумный мир» Крамера только образах 1984 года. Пестрый, красочный, зрелищный, этот спектакль, может быть, только слишком уж облегченно показывает нам неприглядные стороны американского образа жизни. И порой за «парадом-алле» тщательно раздетых «герлов», за грандиозностью возмущенной на сцене мажоринки (художник А. Великий) теряется истинная и страшная сущность «урядливого, замудренного» под названием ЧУМА — Чрезвычайное управление музыкальных аттракционов, а попросту — одной из разведывательных служб США, во главе которого стоит оборзительная Мадам (Н. Гундарева) с улыбкой мадонны и психологией немногого убийцы.

Но, увы, жизнь не сцена. И Борова за мировое господство представителя этого безумного мира жестока и беспощадна, осо-

тажных металлических конструкций на роликах, напоминающих какие-то замысловатые клетчатые, не только не прожужгачет, а прямо-таки убивает наповал зрительский интерес к происходящему на сцене.

А ведь затронута автором тема — одна из самых страшнейших, запуганнейшей глубок политический, экономических, религиозных устремлений различных партий и группировок, который на выжженной полуденным солнцем земле Мехрана замертво повзвал интересы американского миллиардера Марлоу, резидент ЦРУ в Мехране Берда, шейха страны Махдиана, лидера повстанцев Бергани и, наконец, некоего Хаддана, возглавляющего откровенно бандитскую, продажную лигу «Стражи Ислама», — эта тема, насколько мне не изменить память, до сих пор оставалась вне поля зрения наших театров и потому могла бы прозвучать особенно остро и значительно именно сегодня.

А вот известного политического обозревателя Г. Зубкова и Новый драматический театр привлекла возможность показать иные аспекты буржуазного мира «Монгол» на Городской площади — это один из эпизодов борьбы прогрессивных сил в некоей западной стране против власти капитала, протест честного журналиста, отказывающегося продавать свое перо и свои убеждения даже под угрозой физической расправы. Приняв медленно действующий яд, от которого нет противоядия, журналист Марко (Н. Лопов) своей смертью бросает вызов обществу, в котором он жил, но бесчеловечным знаком которого не хочет познакомиться. И хотя он понимает, что таким поступком он вернет жизнь жене Амич, предательски застреленной во время митинга на той же Городской площади, что теперь уже никогда и нигде не опубликует ни свои репортажи, разоблачающие преступную подпольную деятельность холостяка газетчика, в котором работал, Марко твердо верит, что его предсмертное интервью не проедет незамеченным, оно всколыхнет людей, вдохнет в них веру в свои силы, позавет на борьбу.

Музыка (композитор В. Муромов), сценография (Н. Ткачук), своеобразными зонами, очень хорошо исполняемыми актерами труппы пантомимой и цирковыми номерами постановщик С. Врагова придает спектаклю откровенную театральность,